

СОДЕРЖАНИЕ

УКРИДЖ

Укриджский Собачий Колледж	7
Укриджский Синдикат Несчастных Случаев	31
Дебют Боевого Билсона	54
Неотложная помощь Доре	81
Возвращение Боевого Билсона	106
Укридж протягивает ей руку помощи	133
Не зазвонят ему свадебные колокола	157
Длинная рука Чокнутого Коута	188
Конец Боевого Билсона	217
Укридж выходит с честью из опасного положения	242

ЛЮБОВЬ НА ФОНЕ КУР

Глава I. Письмо с постскриптумом	271
Глава II. Мистер и миссис С.Ф. Укридж	274
Глава III. Вокзал Ватерлоо, кое-какие попутчики и девушка с каштановыми волосами	283
Глава IV. Прибытие	289
Глава V. Засучивание рукавов	296
Глава VI. Рассказ мистера Гарнета о неожиданном воссоединении	303
Глава VII. Заключение Entente cordiale	309
Глава VIII. Укридж дает дружеский обед	317
Глава IX. Dies irae	325
Глава X. Я обретаю приспешника	331
Глава XI. Отважный спаситель	341
Глава XII. Кое-какие эмоции и желтый люпин	348
Глава XIII. Чай и теннис	356

Глава XIV. Военный совет	363
Глава XV. Вмешательство Немезиды	373
Глава XVI. Случайная встреча	381
Глава XVII. Довольно чувствительная	389
Глава XVIII. Укридж дает мне совет	394
Глава XIX. Испрашивание у папы	405
Глава XX. Гольф по-научному	412
Глава XXI. Затишье перед бурей	422
Глава XXII. Буря раздражается	427
Глава XXIII. После бури	438

УКРИДЖ

Укридджский Собачий Колледж

— Малышок, — сказал Стэнли Фиверстоунхо Укриддж, этот многотерпеливый человек, угощаясь моим табаком и рассеянно опуская кiset в свой карман. — Слушай меня, сын Велиала.

— Так что? — сказал я, возвращая кiset по принадлежности.

— Хочешь ли ты стать обладателем колоссального состояния?

— Хочу.

— Тогда напиши мою биографию. Вывали ее на бумагу, и мы поделим прибыль. Я проштудировал твою последнюю писанину, старый конь, и она никуда не годится. Твоя беда в том, что ты не погружаешься в колодцы человеческой природы и все такое прочее. Просто сочиняешь какую-нибудь паршивенькую байку, да и тискаешь ее. А вот если возьмешься за мою жизнь, так получишь то, о чем стоит писать. Денег не оберешься, мой мальчик, — права на издание в Англии, права на издание в Америке, театральные права, киноправа... Можешь мне поверить, по самому скромному подсчету, мы должны получить по пятьдесят тысяч фунтов на нос.

— Неужто столько!

— Никак не меньше. И слушай, малышок, вот что я тебе скажу. Ты славный типус, и мы с тобой друзья уже много

лет, а потому я уступлю тебе мою долю английских прав за сто фунтов на бочку.

— С чего ты взял, что у меня есть сто фунтов?

— В таком случае уступаю мои английские плюс американские права за пятьдесят.

— У тебя воротничок отстегнулся.

— Ну, а как насчет всей моей доли в этой чертовой штуке за двадцать пять?

— Спасибо, не для меня.

— Раз так, то я тебе вот что скажу, старый конь, — вдохновенно провозгласил Укридж, — просто одолжи мне полкроны на разживку.

Если главные события малоблагоуханной карьеры С.Ф. Укриджа должны быть представлены на рассмотрение публике — а не тактично замкнуты, как могли бы намекнуть некоторые, — то, пожалуй, для их описания подхожу именно я. Мы с Укриджем были друзьями со школьной скамьи. Вместе мы резвились на площадке для игр, и, когда его исключили, никто не сожалел об этом более меня. Такая прискорбная случайность — его исключение! Неуемный дух Укриджа, всегда плохо гармонирующий со школьными правилами, понудил его нарушить самое заветное из них и как-то вечером тайно отправиться на сельскую ярмарку испробовать свою сноровку в состязании по вышибанию кокосовых орехов. Предусмотрительность, с которой он наклеил себе багряные баки и фальшивый нос, оказалась полностью нейтрализованной тем обстоятельством, что по рассеянности он отправился туда в школьном форменном кепи. И на следующее утро покинул школу ко всеобщему сожалению.

После этого в нашей дружбе на несколько лет возникло зияние. Я в Кембридже пропитывался культурой, а Укридж, насколько мне удавалось понять из его редких писем и сообщений общих знакомых, летал по миру, как бекас. Кто-то повстречал его в Нью-Йорке — он как раз сошел с судна

для перевозки скота. Кто-то другой видел его в Буэнос-Айресе. А еще кто-то с тоской поведал, как Укридж набросился на него в Монте-Карло и выдоил на пятерку. И лишь когда я обосновался в Лондоне, он вновь вернулся в мою жизнь. В один прекрасный день мы встретились на Пикадилли и продолжили наши отношения с того, на чем они оборвались. Старые связи крепки, а тот факт, что он был примерно моего телосложения и потому мог носить мои рубашки и носки, очень и очень нас сблизил.

Затем Укридж вновь исчез, и только через месяц или около того я получил известия о нем.

Новость сообщил Джордж Таппер. В мой последний школьный год Джордж был первым учеником и в дальнейшем полностью оправдал надежды, которые подавал тогда. Он подвизался в министерстве иностранных дел, прекрасно себя зарекомендовал и был весьма уважаем. Он обладал большим мягким сердцем и горячо принимал к нему беды других людей. Часто Джордж по-отцовски плакался мне на прихотливый путь Укриджа по жизни, и теперь, когда он заговорил, его, казалось, преисполняла та высокая радость, с какой встречают исправившегося блудного сына.

— Ты слышал про Укриджа? — спросил Джордж Таппер. — Наконец-то он остепенился. Поселился у своей тетушки, владелицы одного из самых больших особняков на Уимблдон-Коммон. Очень богатая дама. Я в восторге. Наш старый друг теперь на верном пути.

Полагаю, он был по-своему прав, но мне это покорное пребывание в обществе богатой тетушки на Уимблдон-Коммон показалось почти непристойным и, во всяком случае, трагическим завершением многоцветной карьеры — той, что была уделом С.Ф. Укриджа. И когда неделю спустя я столкнулся с ним самим, у меня на сердце стало еще тяжелее.

Произошло это на Оксфорд-стрит в час, когда женщины приезжают из пригородов делать покупки, и Укридж стоял

перед «Селфриджез» в окружении собак и рассыльных. Руки его были нагружены пакетами, лицо застыло в маске бес- сильного страдания, и одет он был до того безупречно, что я не сразу его узнал. Его фигура являла все, что носит Эле- гантный Мужчина, начиная от цилиндра и кончая лакиро- ванными штиблетами, и, как конфиденциально признался мне Укридж в первую же минуту, муки он испытывал адские. Штиблеты жали ноги, цилиндр натирал лоб, а воротничок истязал его сильнее штиблет и цилиндра, взятых вместе.

— Она заставляет меня все это носить, — сказал он угрюмо, дернул головой в сторону дверей магазина и испу- стил резкий вопль, так как при этом движении воротничок впился ему в шею.

— Тем не менее, — попенял я, пытаюсь напомнить ему о более приятных вещах, — ты же чудесно проводишь вре- мя. Джордж Таппер упомянул, что твоя тетушка богата. Полагаю, ты купаешься в роскоши.

— Подножный корм и орошение такового неплохи, — признал Укридж, — но это утомительная жизнь, малышок. Утомительная жизнь, старый конь.

— Почему бы тебе как-нибудь не заглянуть ко мне?

— Мне запрещено выходить по вечерам.

— Так, может быть, я тебя навещу?

Из-под цилиндра сверкнул взгляд, преисполненный паники.

— И думать забудь, малышок, — потребовал Укридж. — И думать забудь. Ты отличный малый, мой лучший друг и все такое прочее, но дело в том, что мое положение в доме не очень прочно даже и сейчас, а одного взгляда на тебя будет достаточно, чтобы мой престиж превратился в фарш. Тетя Джулия сочтет тебя материалистом.

— Я не материалист.

— А выглядишь материалистом. Ходишь в фетровой шляпе и мягком воротничке. С твоего позволения, старый

конь, на твоём месте я бы упрыгал отсюда до того, как она выйдет. До свидания, малышок.

— Ихавод, — скорбно прошептал я, шагая по Оксфорд-стрит. — Ихавод*.

Мне следовало быть более стойким в вере. Мне следовало лучше знать моего Укриджа. Мне следовало понять, что пригород Лондона способен дать укорот этому великому человеку не более, чем Эльба — Наполеону.

Как-то днем, входя в дом на Эбери-стрит, где я снимал спальню с гостиной на втором этаже, я столкнулся лицом к лицу с Баулсом, владельцем дома, который стоял у лестницы в позе чуткой настороженности.

— Добрый день, сэр, — сказал Баулс. — Вас ожидает джентльмен. Мне как раз послышалось, что он меня зовет.

— Кто он?

— Некий мистер Укридж, сэр. Он...

Сверху прогремел могучий голос:

— Баулс, старый конь!

Баулс, подобно всем другим владельцам меблированных комнат на юго-западе Лондона, был экс-дворецким, и его, подобно всем экс-дворецким, будто мантия, окутывало величавое достоинство, которое неизменно ввергало меня в трепет. Он был дороден, лыс и наделен выпученными светло-светло-зелеными глазами, которые словно бесстрастно меня исчислили и нашли очень легким, как сказано в Книге пророка Даниила. «Хм! — казалось, говорили они. — Молод, чересчур молод. И совсем не то, к чему я привык в лучших домах». И, услышав, как такого сановника кличут — да еще на повышенных нотах — «старый конь», я испытал то же ощущение надвигающегося хаоса, какое охватило бы благочестивого младшего священника, если бы у него на глазах епископ получил фамильярный

* 1 Цар. 4, 21: «И назвала младенца Ихавод (Беславие), сказав: «отошла слава от Израиля»».

хлопок по спине. Поэтому шок, когда он откликнулся не просто кротко, но прямо-таки с некоторой дружественностью, оказался ошеломительным.

- Сэр? — проворковал Баулс.
- Принесите мне шесть косточек и штопор.
- Слушаю, сэр.

Баулс ретировался, а я взлетел вверх по лестнице и распахнул дверь.

- Вот те на! — сказал я ошалело.

В комнате бушевало море собачонок породы пекинес. Позднейшее исследование свело их число к шести, но в эту первую минуту казалось, что их тут сотни и сотни. Куда бы я ни смотрел, мой взгляд встречал выпученные глаза. Комната преобразилась в лес виляющих хвостов. Прислонившись к каминной полке, мирно покуривая, стоял Укридж.

— Привет, малышок, — сказал он и благодушно помахал рукой, словно предлагая мне чувствовать себя как дома. — Ты как раз вовремя. Через четверть часа я должен бежать, чтобы успеть на поезд. Молчать, дворняги! — взревел он, и шестеро пекинесов, которые усердно лаяли с момента моего появления, поперхнулись на полутявканье и онемели. Личность Укриджа оказывала прямо-таки сверхъестественное магнетическое воздействие на животное царство, начиная с экс-дворецких и кончая пекинесами. — Я отбываю в Шипс-Крей в Кенте. Снял там коттедж.

- Думаешь там поселиться?

— Да.

- Но как же твоя тетушка?

— А! Я расстался с ней. Жизнь сурова, жизнь серьезна, как сказал поэт Лонгфелло, и если я намерен разбогатеть, то должен действовать, а не сидеть взаперти по разным там Уимблдонам.

- Да, пожалуй.

— К тому же она сообщила мне, что ее тошнит от самого моего вида и больше она смотреть на меня не желает. Никогда.

Впрочем, едва войдя, я мог бы понять, что произошло какое-то землетрясение. Великолепное одеяние, превратившее Укриджа в пиршество для глаз при нашей предыдущей встрече, сменилось его доуимблдонским костюмом, который, говоря языком реклам, был неподражаемо индивидуален. Поверх серых брюк спортивного покроя, коричневого свитера и куртки для гольфа королевской мантией ниспадал пронзительно-желтый макинтош. Воротничок освободился от ига запонки и обнажил дюйма два голой шеи. Волосы были всклокочены, а властный нос венчало пенсне в стальной оправе, хитроумно подсоединенное к хлопающим ушам проволочками от бутылок с шипучкой. Все в его внешности свидетельствовало об исполненном гордости мятеже.

Материализовался Баулс с тарелкой косточек.

— Отлично. Ссыпьте их на пол.

— Слушаю, сэр.

— Мне нравится этот типус, — сказал Укриддж, когда дверь закрылась. — У нас перед твоим приходом состоялся чертовски интересный разговор. Ты знаешь, что его двоюродный брат подвизается в мюзик-холлах?

— Свою душу он мне практически никогда не изливал.

— Он обещал попозже познакомить меня с ним. Человек осведомленный всегда может оказаться полезным. Видишь ли, малышок, у меня возник потрясающий план. — Он драматично взмахнул рукой, опрокинув гипсового Малютку Самуила За Молитвой. — Ладно-ладно, склеишь его клейстером или еще чем-нибудь, да и вообще, думается, ты легко без него обойдешься. Да-с, сэр, у меня возник великолепнейший план. Такая идея осеняет раз в тысячу лет.

— И какая?

— Я буду обучать собак.

— Обучать собак?

— Для выступлений в мюзик-холлах. Номера с собаками, знаешь ли. Собаки-артисты. Денег не оберешься. Начну я скромно, с этой шестерки. Обучу парочке-другой трюков, продам какому-нибудь профессионалу за княжескую сумму и куплю двенадцать новых. Обучу их и продам за княжескую сумму, а на эти деньги куплю еще двадцать четыре. Обучу их...

— погоди минутку! — Голова у меня пошла кругом: мне привиделась Англия, вымощенная пекинесами, кувыркающимися по команде. — Откуда ты знаешь, что сумеешь их продать?

— О чем речь! Спрос огромен. Предложениям за ним не угнаться. По самой скромной оценке, за первый год я должен выручить от четырех до пяти тысяч. И это, разумеется, до того как дело будет поставлено на широкую ногу.

— Ах так!

— А когда я развернусь по-настоящему, найму десяток ассистентов и обзаведусь приличным питомником, деньги потекут рекой. Моя цель — что-то вроде Собачьего Колледжа в сельской местности. Внушительные здания на огромном участке. Регулярные часы занятий по строгой программе. Большой штат — каждый сотрудник имеет под своим началом столько-то псин, а я надзираю и руковожу. И вообще, едва дело наладится, как дальше все пойдет само собой и мне останется только посиживать сложа руки и получать по чекам. И вовсе не обязательно ограничиваться одной Англией. Спрос на собак-артистов универсален во всем цивилизованном мире. Америка нуждается в собаках-артистах, Австралия нуждается в собаках-артистах, Африке, я уверен, не помешает малая их толика. Моя цель, мальшток, постепенно прибрать к рукам монополию в этой области. Я хочу, чтобы всякий, у кого возникнет потреб-

ность в собаке-артисте любого разлива, автоматически обращался бы ко мне. И вот что, малышок. Если ты хочешь вложить какой-никакой капитал, условия будут самыми выгодными.

— Нет, спасибо.

— Как хочешь. Будь по-твоему. Только не забывай, был типчик, который вложил девятьсот долларов в автомобильное предприятие Форда, когда оно только еще создавалось, и получил кругленькие сорок миллионов. Послушай, эти часы не бегут? Черт, я опаздываю на поезд. Помоги мне привести в движение проклятых псин.

Пять минут спустя, сопровождаемый шестью пекинесами и прихватив с собой фунт моего табака, три пары моих носков и бутылку с остатками виски, Укридж отбыл в такси к вокзалу Чаринг-Кросс на пути к делу всей своей жизни.

Прошло примерно шесть недель, шесть тихих безукриджских недель, а затем в одно прекрасное утро я получил взволнованную телеграмму. Собственно говоря, не столько телеграмму, сколько агонизирующий вопль. Каждое слово пронизывала мука великого человека, который ведет тщетную борьбу с неизмеримо превосходящими силами. Такую телеграмму мог бы послать Иов после длительной беседы с Вилдадом Савхеянином.

«Приезжай немедленно, малышок. Вопрос жизни и смерти, старый конь.

Положение отчаянное. Не подведи меня!»

На меня она подействовала, как зов трубы: я успел на следующий же поезд.

Белый коттедж в Шипс-Крейе, видимо, предназначенный в грядущем стать историческим местом и Меккой собаколюбивых пилигримов, оказался маленьким и ветхим строением вблизи от шоссе на Лондон и в некотором отда-